

Сю Эжен

Вечный жид

Часть 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э28

Э28 **Эжен С.**
Вечный жид: Часть 6 / Сю Эжен – М.: Книга по Требованию, 2022. – 135 с.

ISBN 978-5-519-76154-3

ISBN 978-5-519-76154-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дѣтъ въ молчаніи, и подошла къ двери быстрыми и твердыми шагами.

Эта дверь, у которой замѣтна была небольшая задвижка, запиралась снаружи.

Адріенна обратилась къ доктору, повелительнымъ движеніемъ руки, указала ему на дверь и сказала:

— Отоприте мнѣ эту дверь.

— Успокойтесь, моя милая! Поговоримъ подружески, сказалъ докторъ. Вы вѣдь знаете, кажется, сами, что я вашъ другъ?

И онъ медленно понюхалъ табакъ

— И такъ слѣдовательно мнѣ и пище не придется отсюда выйти, сказала Адріенна дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Къ несчастію, моя милая, при такомъ раздраженіи рѣшительно невозможно. Посмотрѣли-бы вы, какъ у васъ лице разгорѣлось, какъ блистаютъ глаза; пульсъ вашъ, вѣрно, бьется разъ восемьдесятъ въ минуту. Ради Бога успокойтесь!... Умоляю васъ, дитя мое, не разстройивайте себя еще болѣе этимъ раздраженіемъ, которое чрезвычайно вредно для вашего здоровья!

Адріенна пристально посмотрѣла на доктора, пошла медленными шагами къ постели и сѣла.

— Ну вотъ давно-бы такъ, сказалъ Балеиньеръ. Будьте разсудительны, повторяю вамъ еще разъ. Поговоримъ, какъ старинные пріатели.

— Вы правду говорите, докторъ, отвѣчала Адриенна отрывистымъ и совершенно спокойнымъ тономъ: поговорить попріятельски. Вамъ хочется выдать меня за сумасшедшую — не такъ-ли?

— Я хочу, моя милая, чтобъ вы со временемъ были столько-же ко мнѣ благодарны, сколько теперь ненавидите меня. Я напередъ зналъ, что вы на меня разсердитесь; но какъ ни тягостны нѣкоторыя обязанности, долгъ велитъ намъ исполнять ихъ, сказалъ докторъ вздыхая и съ такимъ натуральнымъ, убѣжденнымъ видомъ, что Адриенна не могла сначала воздержаться отъ удивленія, но потомъ горькая улыбка появилась на устахъ ея.

— Такъ это все дѣлается рѣшительно для моей пользы?

— Безъ сомнѣнія, моя милая; и имѣлъ-ли я когданибудь иное желаніе, кромѣ того, чтобъ быть вамъ полезнымъ?

— Не знаю, милостивый государь, что гнушеніе, ваше безстыдство, или ваше низкое предательство!

— Предательство! сказалъ Балеиньеръ, пожавъ плечами съ видомъ сожалѣнія. Предательство! Но разсудите хорошенько, моя милая, неужели вы думаете, что еслибъ я дѣйствовалъ не съ благородною и добросовѣстною цѣлью принести вамъ пользу, неужели-бы я пришелъ сего-дня сюда подвергаться вашему негодованію, котораго напередъ ожи-

далъ? Я главный врачъ этой больницы, которую и содержу; но у меня есть два ученика, то-же доктора, которые заступаютъ мое мѣсто: я-бы могъ отдать васъ на руки имъ; но нѣтъ, я не хотѣлъ этого. Я знаю вашъ характеръ, ваши наклонности, знаю всю вашу прежнюю жизнь, такъ не говоря уже о моей привязанности, которую питаю къ вамъ болѣе всякаго другаго, и потому могу пользоваться васъ съ успѣхомъ.

Адріенна выслушала все это молча; потомъ, посмотрѣвъ пристально на Балеиньера, сказала ему:

— Скажите, милостивый государь, сколько платятъ вамъ за то, чтобъ выдать меня за сумасшедшую?

— Сударыня! вскричалъ Балеиньеръ, невольно оскорбившись.

— Вы знаете, я богата, продолжала Адріенна съ невыразимымъ презрѣніемъ,—я дамъ вамъ вдвое противъ теперешней платы. Изъ уваженія къ вашей старинной дружбѣ, какъ вы говорите, позвольте мнѣ сдѣлать наддачу.

— Сидѣлки уже говорили мнѣ, что вы дѣлали имъ точно такое-же предложеніе, сказалъ Балеиньеръ съ прежнимъ хладнокровіемъ.

— Извините, докторъ, я предлагала имъ, что можно предлагать бѣднымъ женщинамъ, безъ всякаго воспитанія, которыхъ несчастіе

принудило принять такую тяжкую обязанность. Но что касается до васъ, какъ до чело-вѣка свѣтскаго, ученаго, остроумнаго, то это другое дѣло: вамъ можно заплатить и подо-роже. Предательство вѣдь бываетъ всякихъ цѣнъ. Такъ не отказывайтесь заранѣе и не думайте, чтобъ я стала предлагать вамъ та-кую-же ничтожную сумму, какъ имъ. Сколь-ко-же вамъ надобно?

— Ваши сидѣлки говорили мнѣ, что ны-нѣшнюю ночью вы дѣлали имъ угрозы, про-должалъ докторъ, сохраняя прежнее хладно-кровіе. Не хотите-ли вы и ко мнѣ обратиться съ подобными? .. Но кончимъ лучше поскорѣе съ подкупамъ и съ угрозами мщенія. Тогда увидимъ мы всю справедливость нашего по-ложенія.

— Такъ слѣдовательно угрозы мои напрасны? вскричала Адриенна, выходя наконецъ изъ себя — И вы думаете, что по выходѣ мо-емъ отсюда, — а вѣдь рано или поздно мнѣ уоужна-же быть возвращена свобода, — вы думаете, что я не разглашу вашего гнуснаго предательства? не предамъ всеобщему пре-зрѣнію вашего преступнаго сообщничества съ книгиней де-Сенъ-Дизье? стану молчать о томъ, какъ ужасно со мною поступили?... Какъ я ни безумна, но знаю, что есть законы и буду требовать примѣрнаго вознагражденія себе, строгаго и постыднаго наказанія вамъ и вашимъ сообщникамъ. Теперь между нами вѣч-

ная вражда, война на смерть! И чтобъ выдержать ее, я употреблю все мои силы, все средства, все...

— Позвольте мнѣ остановить васъ, милая Адриенна, сказалъ докторъ съ прежнимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Для вашего выздоровленія ничего не можетъ быть вреднѣе пустыхъ надеждъ: онѣ только доведутъ васъ до самаго жалкаго состоянія раздражительности; такъ лучше объяснимъ дѣло, какъ оно есть, чтобъ вы могли лучше видѣть свое положеніе. Во 1-хъ выйти вамъ отсюда рѣшительно невозможно; во 2-хъ имѣть съ кѣмъ нибудь сообщеніе внѣ дома вамъ тоже нельзя; въ 3-хъ сюда пускаютъ только тѣхъ людей, въ которыхъ я совершенно увѣренъ; въ 4-хъ нашихъ угрозъ и вашего мщенія я рѣшительно не боюсь, потому-что все обстоятельства и все права говорятъ въ мою пользу.

— Все права! засадить меня сюда!

— На это-бы не рѣшились, если-бы не имѣли на это достаточныхъ причинъ.

— Такъ есть и причины?

— Къ несчастію, очень много.

— Могу-ли я надѣяться, что мнѣ ихъ объяснятъ?

— Къ сожалѣнію, эти причины очень основательны, и если-бы вы вздумали обратиться къ правосудію, какъ вы сей-часъ угрожали мнѣ, то мы были-бы принуждены напомнить передъ судомъ: о вашемъ образѣ жизни, бо-

лѣ нежели странномъ; о вашей склонности наряжать служанокъ въ какіе-то необыкновенные костюмы; о вашихъ непомѣрныхъ расходахъ; объ индѣйскомъ принцѣ, которому предлагали вы королевское гостепріимство; о вашемъ неслыханномъ намѣреніи жить въ восемнадцать лѣтъ одной, какъ живутъ молодые люди; о мастеровомъ, найденномъ въ вашей спальнѣ; наконецъ, мы-бы представили протоколъ вашего вчерашняго допроса, потому-что все, что вы говорили, отъ слова до слова записано стенографомъ, которому препоручено было это сдѣлать.

— Какъ вчера! вскричала Адриенна съ негодованіемъ и величайшимъ изумленіемъ.

— Чтожъ дѣлать! Для собственной безопасности, въ случаѣ, если-бы вы вздумали не признавать нашихъ добрыхъ въ отношеніи къ вамъ намѣреній, мы призвали стенографа, спрятали его въ сосѣдней комнатѣ за занавѣскою и онъ записалъ всѣ ваши отвѣты. Право, когда вы будете поспокойнѣе, вы хладнокравно прочтете этотъ допросъ и не станете удивляться тому, что мы принуждены были прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ.

— Продолжайте! сказала Адриенна презрительно.

— Такъ какъ всѣ обстоятельства утверждены и признаны, то вы можете, моя милая Адриенна, по этому видѣть, что отвѣтственность людей, которые васъ любятъ, совер-

шенно обезпечена; они должны были стараться вылечить васъ отъ этого умственнаго разстройства, которое хотя и проявляется теперь одними только непонятными странностями, но при дальнѣйшемъ развитіи могло-бы имѣть очень опасныя послѣдствія для вашей будущности. Впрочемъ, по моему мнѣнію, можно надѣяться на совершенное излеченіе при помощи пользованія, вмѣстѣ и моральнаго и физическаго. Для этого, прежде всего надлежало удалить васъ отъ странностей, которыми вы себя окружили и которыя самымъ опаснымъ образомъ раздражаютъ ваше воображеніе, между тѣмъ какъ здѣсь, при благотворномъ спокойствіи жизни простой и уединенной, мои усердныя и, смѣло могу сказать, отеческія попеченія, приведутъ васъ мало-помалу къ совершенному выздоровленію.

— Такъ по вашему мнѣнію, сказала Адриенна съ гордою усмѣшкой, любовь къ благородной независимости, великодушіе, обожаніе прекраснаго, отвращеніе отъ всего гнуснаго и низкаго,—все это болѣзни, отъ которыхъ поставяете вы себѣ въ обязанность лечить меня?... Боюсь остаться неизлечимою, потому-что тетушка давно уже пыталась подвергнуть меня этому добросовѣстному леченію.

— Положимъ, что мы не будемъ имѣть успѣха; но все-таки не мѣшаетъ попробовать. Вы видите, что по многимъ, весьма уважи-

тельными причинами, мы обязаны были рѣшиться на эти мѣры, которыя придуманы нами въ семейномъ совѣтѣ, следовательно, мнѣ совершенно нечего бояться вашихъ угрозъ, а это только я и хотѣлъ доказать вамъ. Человѣкъ въ мои лѣта, при моемъ положеніи въ обществѣ, ни когда-бы не сталъ поступать легкомысленно въ подобныхъ обстоятельствахъ. Теперь, я думаю, вы поймете, что я сей-часъ говорилъ вамъ; однимъ словомъ, не надѣйтесь выдти отсюда до совершеннаго выздоровленія и будьте увѣрены, что я не боюсь и не подумаю бояться вашихъ угрозъ. И такъ, это дѣло рѣшено. Поговоримъ теперь о вашемъ положеніи со всѣмъ участіемъ, которое вы мнѣ внушаете.

— Мнѣ кажется, милостивый государь, если я сумасшедшая, то вы говорите очень разсудительно.

— Вы сумасшедшая! Благодаря Бога, дитя мое, вы еще не помѣшаны, и при моихъ попеченіяхъ, я надѣюсь, вы никогда не помѣшаетесь; и чтобъ предупредить это несчастіе, надобно было приняться за дѣло поранѣе, и повѣрьте мнѣ—пора, давно пора. Вы смотрите на меня съ удивляющимся, съ страннымъ какимъ-то видомъ; но какая мнѣ польза говорить вамъ все это? Не думаете-ли вы, что я хочу угодить вашей тетушкѣ, которая ненавидитъ васъ? Но съ какою цѣлью? И что можетъ она сдѣлать для меня или противъ

меня? Я объ ней думаю сего-дня ни хуже, ни лучше, какъ думалъ вчера. Да развѣ и вамъ я говорю что нибудь новое? Не напоминалъ-ли я вамъ и вчерашняго дня объ опасной восторженности вашего ума, о вашихъ странныхъ прихотяхъ? Я употребилъ хитрость, чтобъ завести васъ сюда? Безъ сомнѣнія, я съ радостію воспользовался случаемъ, который вы мнѣ сами предложили. Когда нибудь надобно-же было найти предлогъ, чтобъ заманить васъ сюда, и признаюсь вамъ, я сказалъ самъ себѣ: собственная польза ея всего важнѣе, дѣлай что должно, а чему быть, тому не миновать.

По мѣрѣ того, какъ Балейньеръ говорилъ, фізіономія Адріенны, выражавшая до того времени то негодованіе, то презрѣніе, теперь мало-по-малу стала принимать выраженіе безпокойства и ужаса.

Она страшилась теперь еще болѣе прежняго, слыша, что этотъ человѣкъ говорилъ, по наружности, такъ натурально, съ такою искренностію, съ такимъ убѣжденіемъ, и повидимому, такъ справедливо и разсудительно.

Гнусное предательство, облеченное въ такія формы, пугало ее во сто разъ болѣе открытой ненависти княгини де-Сенъ-Дизье. Такое дерзкое лицемерство казалось ей до того чудовищнымъ, что она считала его почти невозможнымъ.

Адріенна такъ плохо умѣла скрывать свои

чувствованія, что докторъ, физиономистъ превосходный и глубокомысленный, тотчасъ замѣтилъ, какое произвелъ на нее впечатлѣніе.

— Я сдѣлалъ огромный шагъ, подумалъ онъ про себя, потому-что за презрѣніемъ и гнѣвомъ послѣдовалъ страхъ. Сомнѣніе не далеко. Я не выйду отсюда, пока она не скажетъ мнѣ ласково : приходите поскорѣе опять, любезный мой докторъ.

И онъ продолжалъ говорить голосомъ растроганнымъ и нѣжнымъ, который какъ будто выходилъ изъ глубины его сердца :

— Я вижу, вы все еще не довѣряете мнѣ, вы думаете, что всѣ слова мои не что иное, какъ ложь, коварство, лицемеріе, ненависть, не такъ-ли? По за что-же? Боже мой! мнѣ васъ ненавидѣть, что вы такое мнѣ сдѣлали? Или, можетъ быть, эта причина кажется вамъ важнѣе для такого человѣка какъ я? прибавилъ Балеиньеръ съ огорченіемъ. Но какая мнѣ выгода васъ ненавидѣть? Возможно-ли! вы дошли до нынѣшняго состоянія только отъ излишняго напряженія побужденій самыхъ благороднѣйшихъ; вы больны, такъ сказать, только отъ излишества прекраснѣйшихъ качествъ, и вы въ состояніи хладнокровно, рѣшительно обвинять честнаго человѣка, отъ котораго до сего времени не видали ничего, кромѣ знаковъ самой нѣжнѣйшей привязанности, и обвиняете его въ преступленіи самомъ гнусномъ, самомъ низкомъ, самомъ ужасномъ, какимъ